

Дмитрий Бобылев

УЛИЦА БОБЫЛЕВА

Санкт-Петербург

2023

УДК 821.161.1

ББК 84 (2=411.2) 6-5

Б-728

Улица Бобылева – Санкт-Петербург, издательство "Гамма".
2023. – 90 с. Тираж 200 экз.

Издано при поддержке Министерства культуры РФ.

Художник – Константин Бобылев.

Вступительная статья – Александр Курапцев.

Дизайн обложки – Виктория Перепечина.

Вторая книга стихов современного поэта. Первая, «Флажки на карте», вышла в Екатеринбурге в 2017-м году. Дмитрий Викторович Бобылев родился в 1987 году на Северном Урале в заводском городе Серове. Петербуржец с 2014-го года. Магистр-филолог. Актер артхаусного кино. Поэт, писатель, художник. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Нева», «Аврора» и других. В книгу вошло 71 стихотворение на разные темы.

16+

ISBN 978-5-4334-0563-9

© Бобылев Д. В., текст.

© Курапцев А. В., вступление.

© Бобылев К. В., иллюстрации.

© Перепечина В. С., дизайн обложки.

С Дмитрием Викторовичем мы познакомились на Васильевском острове, куда приходили немножко поумирать, в клубе любителей тишины – что-то вроде клуба литературных алкоголиков. Гвардейцы клуба много- и малозначительно молчали, перемежая молчание силлабо-тоническими вздохами. Вздохи Дмитрия Викторовича выгодно выделялись на общем фоне, были выразительнее, рельефнее, концентрированнее, возможно, за счет уральского колорита и внутренней искренности перед самим собой – «новой искренности». И это уже была не игра в поэзию, формирующая реальность, не практики Серебряного века – наша современная компостмодернистская парадигма спровоцировала возникновение игры в игру в поэзию, формирующей множество гиперреальностей, где бродят заблудшие молчаливники и не надеются отмолчаться за всех. Апогеем заседаний клуба были бесплатный классико-модернистский чай с ритмическими печеньками, ради коих стоило и немножко поумирать на Васильевском острове.

С тех пор мы стали пристально следить и следим до сих пор за развитием юного дарования.

Шли годы: Дмитрий Викторович креп и мужал. Сначала, правда, возникало ощущение, что он носит сапоги не по размеру, но терпение и труд, как говорится, и ноги сами отрастут. И вот буквально на наших глазах Дмитрий Викторович стал маститым и мэтровитым. Он принадлежит к плеяде тех литературных дарований, которые упорно и серьезно, целенаправленно и беззаветно работают со славой, и дурной эту работу назвать нельзя, поскольку сии труды приносят свои фестивальные, семинарские и форумные плоды. К тому же причастность к литпроцессу дает право на самоуважение и причисление себя к лику причисленных, а также весьма способствует охмурению всяких экзальтированных женщин. Ведь, как известно, всякие экзальтированные женщины спят и видят себя экзальтированными женщинами известного литератора, спортсмена, артиста или политика. Далее следовало бы кратко, в двух-трех печатных листах, рассказать о поэтике, особом фонетическом строе, мифопоэтическом миросозерцании автора и осмыслении реальности посредством особенностей спектра поэтического зрения, а также следовало бы упомянуть об архитектонике и семантической наполненности авторского текста. Но мы, к счастью, совершенно ничего не

понимаем в чужих стихах и не читаем оные ни при каких обстоятельствах, даже за деньги, тем более за смешной гонорар, предложенный прижимистым автором бескорыстному рецензенту в надежде сэкономить. Поэтому пускай читатель самостоятельно разбирается во всех тонкостях аллюзий и реминисценций, сам бродит в лабиринтах духовных поисков, нравственных посылов и нетривиальных умозаключений. Мы умываем наши и без того чистые руки, вытираем их о наши чистые брюки и продолжаем пристально следить за авторскими достижениями.

Пиит, член Межрегионального союза Международных союзных членских сообществ, конный гвардеец клуба любителей тишины и Стрижей Весны, почетный член-эксперт в области экспериментальной членской экспертизы, окололитературный сварщик четвертого разряда первой степени Леонард Леопольдианович Побреховский.

*Моим родителям,
Виктору Васильевичу
и Ираиде Константиновне.*

Отец проходит молча из сеней,
Отец плотнее двери закрывает,
Снимает кирзачи, кивает мне,
Зеленый рукомойник наливает.

На полотенце выцвели цветы,
Зато настой густой в побитой кружке.
Еще он от работы не остыл,
И за футболку зацепилась стружка.

Он с улицы, но смотрит за окно.
Не стар еще, а дом совсем уж рохля.
На ветке виден зяблик-свистунок,
А яблоня почти уже засохла.

Такой сюжет, обыденный вполне.
И тут как тут, в луче пылинки выются.
А у отца комарик на спине.
Согнать бы, но до слез боюсь проснуться.

В пути

То ляжет лютый гололед,
То не найти к мосту ступеней.
А то и дождиком польет,
Пока бредешь вдоль трассы тенью.

То оттесняет грузовик,
Едва вмещааясь в повороты.
А все вокруг полно любви,
Включая корпуса завода,

Не исключая мутных луж
И заодно с борщевиками.
А ты – нелеп и неуклюж,
Помят и с мокрыми носками,

Опять не можешь отыскать
Среди кустов тропинку к храму,
Где будет свет, лучась из рамы,
Тебя в макушку целовать.

Я отломил бездомному коту
Кусочек пирога с яйцом и рисом.
Он есть не стал, их, видно, кормят тут:
Стоит собор с отколотым карнизом,

А был когда-то даже монастырь.
Спасибо всем, кто жив во мне доньше:
И я – не одинокий, и коты
Мне не нужны. Они лежат на глине

Чужих могил. Я много не смогу,
Но что могу, то выполняю до точки.
Подходит синий голубь к пирогу
И золотые трогает кусочки.

Вологодское

Оксане

Когда идешь в гостиницу с вокзала,
Ориентиром вечно будет лужа.
Как ты ее изящно миновала,
Покоя отражений не нарушив!

За вечером приходит воскресенье,
Дома согреты охровым восходом,
Как будто с фотокарточки настенной
Глядят они из эры пароходов,

Узорами послушной древесины
Дразня замысловатость старых кружев...
Ты и осталась вписанной в картину,
Над сентябрем взлетая, как над лужей.

Резная зелень обжигала зрение,
Прозрачных волн сияла пустота.
Я крабика поймал для развлечения,
Как вдруг новорожденная вода

Рассеивая родинки по скалам,
Скользнула сентябрем по волосам.
И на волнах запрыгали бокалы,
И звонкие взлетели голоса.

Под камнем пригорюнилась одежда.
Черным-черна тропинка – не беги!
А крабик незаметно скрылся между
Началом ливня и концом строки.

Куст тростника, притащенный льдинами,
Небо поранивший ржавый флагшток.
Чайка, схватившая скользкую рыбину,
Корюшка, брошенная ни за что.

Меж кирпичей прорастает помоечка,
Скрипнет уключина, ветер задев.
Вот тебе слово и вот тебе слоечка,
Белая птица на синей воде.

Вот тебе солнышко медного грошика,
Стылая влага в песочных следах.
Помни, какими мы были хорошими:
Мы никогда не вернемся сюда.

Дождь надвигался темнотой,
Конфеты согревали сумку,
Печали застилала думка –
Не дума, дымка над водой.

Водица, в чайнике урча,
Пространство сумрачное грела.
Углы пригладив, онемела,
Искрясь на брошенных ключах.

Звонок смеялся в желтизне,
Разбужен дружеской щекоткой.
Дверь в уголок уткнулась кротко,
Обнявшись с тенью на стене.

Гость, убаюкивая чай,
Сминал конфетные бумажки,
Цветок придавливал на чашке –
И кто-то горько закричал.

Мечась над ветками берез,
Случайно тучу не пронзая,
Ледком мазнув по кругу чая,
Исчез над крышей альбатрос.

Придавлен душной синевой –
Как будто ватой одеяла –
Не птицу за окном искал я,
А только гостя своего.

Дождь задохнулся, не дошел.
Мой человек, оставив имя,
Явился вдруг совсем чужим мне
И в чай смотрел чужой душой.

Гражданская улица

Как жаль, что мне не нужно в этот дом –
Я стал бы там недюжинным поэтом,
И улица была бы мной воспета
Гражданская, но тихая притом.

Как жаль, что мне ступенек не топтать,
Зачеркнутым не быть щелястой рамой,
В высокой изрисованной парадной
Не думать, не курить, не целовать.

Как жаль, что мне не нужно в этот век,
Когда еще не выветрилась краска,
И выше – дом, и серая замазка,
И пятнышко чернил на рукаве.

Как хорошо, что Ей не нужен я.
Как горько, что вчера был очень нужен!
Я уйду, никем не обнаружен,
Убит из водосточного ружья.

Эмиграция

Все забудется. Свежие росы
Упадут на иную траву.
За боями начнутся покосы,
Покраснеют кипреи во рву.

Будет мелкое золото сеять
Над волнами чужая луна,
Будет вздрагивать тонкая шея,
Довоенных мехов лишена.

Хлынет ночь в запотевшие стекла,
Станет Сена сочиться в подвал,
На последней тесемке из шелка
Узелок обозначит едва

Багровевшие ветки рябины
Над скрипучим вечерним крыльцом,
И ладонь на озябшую спину,
И обжегшее палец кольцо.

...Ничего не останется после
Отдаленного стука копыт,
Лишь блестят оловянные звезды
Да осколок, что будет забыт.

Некто сидит на лавке, шуршит трава,
Плиты лежат отдельно среди травы.
Кто-то, сложивший плиточный тротуар,
Вымостил небо облаком грозовым.

Сыплют листву разросшиеся кусты,
Чай вечереет в кружечке жестяной.
Некто вдыхает пар, от ходьбы остыв,
Просто не хочет рано идти домой.

Надо же, здесь никто не гулял лет сто!
Милое место, хоть и скамья ветха.
Термос убрав в рюкзак, отряхнув пальто,
Некто уходит, заросли пропахав.

Некто в пальто замечен через окно:
Вот он проходит сквозь, где была стена.
После отбоя в палате совсем темно.
Тянет заваркой с той стороны окна.

Направо мчатся с красными огнями
И с белыми – налево, иногда.
Щеки моей немая борозда –
Немая потому, что я не знаю,
Откуда появилась и когда.
Сочит сироп фонарная морошка.
В какой эпохе я сейчас живу?
В одной – прибилась ветренная кошка,
В другой – слеза катилась на траву,
А в третьей друг упал с такого верха,
Что вслух его уже не позову.
Себя вдруг обнаружишь на скамейке,
Как в первом клипе неумелой склейки,
И думаешь: откуда? и зачем?
А было бы забавно просыпаться
Не день за днем, как ложкой в чае клацать,
А в день любой из жизни вообще.
А было б интересно не проснуться,
И яркий век во сне переживать,
И сердце непутевое не рвать,
Выкладывая рифмами на блюде.

Навечно, как бессмертная трава,
Однажды все ушедшие вернутся.

Дом у храма

Жить возле храма, дружок,
Это не возле вокзала.
Вижу цветочный горшок,
Ласковый свет вполнакала.

Слышу: торопится мышь,
Листья сухие тревожа.
Многого – не разглядишь,
Поздний озябший прохожий.

Как тут разводят огонь –
Суетно или с молитвой?
Что опускают в ладонь,
Жесткую в будничных битвах?

С кем преломляют еду,
Под вопрошающим взором?
Вон я, в тени у забора,
Господи, мимо иду...

Тревога

Красного времени красный вечер,
Красным болят глаза.
Красной землицы родное вече –
Поздние голоса.

Красных обоев босое знамя,
Белым – горит окно.
Дышит дитя, ничего не зная,
Пестрым укрыто сном.

Где бы такую найти игрушку –
Взять и не отпускать!
Вечно и просто глядит краюшка,
Как цепенеет мать.

Лопнет под знаменем белым леска
Жесткою тетивой,
Бросишь измятую занавеску,
Выдохнешь:
– Ничего.

Седой ополченец брел с вещевым мешком
Под буйство акаций, в зелени перезрелой.
Растили крестьяне радугу под обстрелом,
Война прорастала больно и глубоко.

Стотысячным слоем скрыв застарелый шов,
На праздники к проводам прикрутили орден.
Останется самым малым, на что способен,
Все, что бы ни сделал я на земле большой.

Шахтер соберет шрапнель и сдает металл,
Кресты прилепив на окна, как подорожник.
В далеком скиту какой-то святой острожник
Слагает стихи за всех, кто не написал.

2019

Ветераны

Метро закрылось. Улица пуста.
Пора домой, а ноги не казенные.
Откроешь яндекс с чистого листа
Найти такси, и вырастут бессонные

Фигуры, чтобы мелочь раздобыть,
Как воду под огнем сосредоточенным,
Теперь – на водку. Нынче на дыбы
Асфальт не поднимается воочию,

Расстрелянные больше не встают,
Не плачут и от ужаса не мочатся.
Я руки жму и деньги достаю
Попыткой бесполезной глупой почести.

И жалко, что монеты – не в цене,
Что водка дорогая этим вечером.
Молчат фигуры, будто на войне,
А мне и промолчать-то с ними нечего.

2019

Горловка

В моем дворе златокудрый шкет
Царапал стеной лопух,
И звезды стукали по башке –
Летел тополиный пух.

Акаций ветки легки, тонки
Валились мешком на дно,
А там мужчина брел без руки,
Парили птенцы без нот.

И дед, вздыхая и матерясь,
Ходил по двору с ведром,
Ночной шрапнели стальную грязь
Клал в цинковое нутро.

Сказал, упрячу за террикон,
Чтоб не мешали спать,
И черный гравий, как молоко,
Закапал с его лопат.

И мой зеленый и дымный край
Свернулся ночным цветком –
На карте мира горит дыра,
На кислом сукне прокол.

Солдаты скачут вокруг нее,
Не могут найти войну.
А мой цветок сам в себе живет,
И горы растут вовнутрь.

2019

Сжимает тьму озябшая рука,
Пока поймает прочные перила.
Парадная осыпалась слегка
И лестницу в квартиру удлинила.

Забрасывает звезды со двора
Январский ветер. И январский вечер.
Под лестницей приткнулись до утра
Шаги и незначительные вещи.

Шаги и незначительные речи
Роятся и царапаются в дверь.
Собака, засыпая на траве,
Зимой очнется в шкуре человеческой.

И станет много пить и много петь,
Задремывать под лестницей нарядной,
Пока луна не вынырнет в парадной,
Не усидев на скользком парапете.

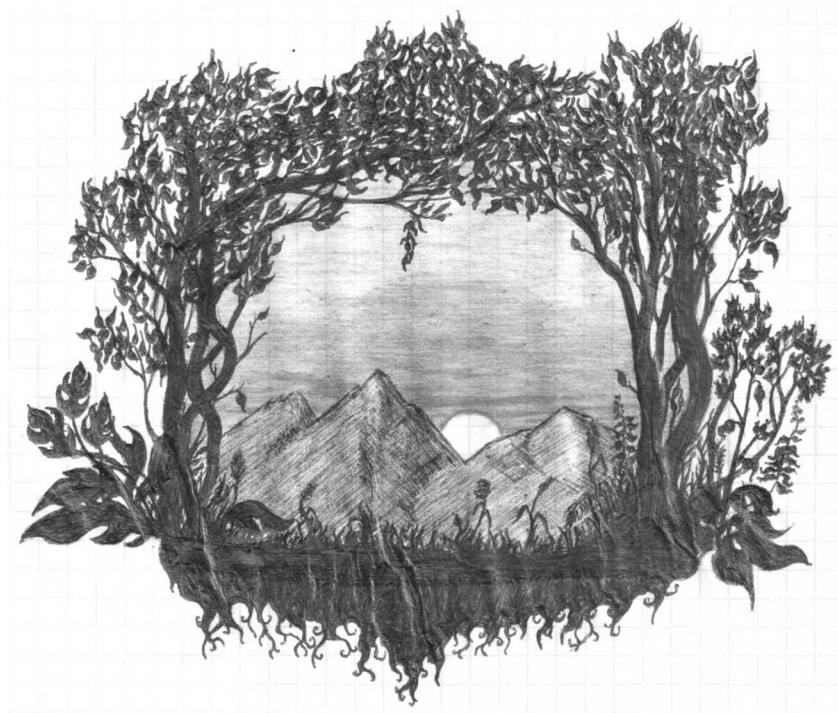
Какой, скажите, вес у сна?

Оксана Соболев

Сколько весит засохший искрошенный временем сон,
Позабытый в дневной темноте, где паук и носок,
Заметенный совместно с бумажкой в бездонный совок,
И сломавший совок?

Сколько веса в уставшем, но будто зацикленном сне,
Где живыми обратно встают, как цветы по весне,
«Мы не умерли», – шепчут и тянут объятья ко мне –
Отвечаю им: нет.

Сколько весит подземный немой вопрошающий взгляд
Через толщу событий, мгновений, червей и лопат,
Корабли и овец сосчитавший, но быющий над
Вереницей солдат?

Вот человек, оставленный в веках,
Глядит из кухни в мутное оконце.
Сбивает с сигареты теплый прах,
А в остальном – почти не шевельнется.

Вот я напротив этого сижу
И слов не знаю, и путей не видно.
На кухню сигареты приношу
И булочки то с маком, то с повидлом.

Он говорит, что я хороший друг –
И я его почти уж понимаю.
Зову его по имени, киваю:
Когда-нибудь я тоже не умру.

Бездомное

У дорожки дворцового парка
Исчезала синица в дупле,
Ей шагов торопливые шарки
И мелькания праздные плеч

Не мешали вытаскивать листья,
Поистлевшие с прежней поры,
А синичья веселая прыть
Не ценна объективу туриста.

Прошумев мимо тихонькой стройки,
Суeta растекалась по стогнам.
Как пропойца – в бокалы на стойке,
Я гляделся в вечерние окна.

Весна

Последние отставшие плывут,
Но вряд ли доберутся до залива:
Растают, принеся с собой траву,
А ей теперь – плескаться сиротливо,

С волной стучать в гранитный парапет
И ладожские забывать причалы
И хора Валаамского напев.
Меж стеблей что-то утка различает

И ловит. Так в пустом пуховике,
Оставленном бродягой на вокзале,
Шныряют мыши. Пухнет в коробке
Словечко, что еще не отобрали.

Не ловит Интернет
Под волнами Невы,
Желтеющий сонет
Листается, шершавый.

Грохочет, как ведро,
Хлебнувшее камней,
Пустой вагон метро,
Завидуя трамваям.

Над нами матюки,
Над нами мертвецы,
Чухонские войска
В утопших «запорожцах».

Над нами рыбаки
С прибрежной полосы
Сигают в облака,
Летают понарошку.

Живая скульптура

Окрашенный под бронзу человек
Выклянчивает фото у прохожих.
Небесный ветер волосы ерошит
На пыльной и блестящей голове.

Пока не осыпается металл,
Не меркнут блики тканевых доспехов.
Он выпал из природы человеков,
А памятником все-таки не стал.

И Гоголь, насмерть ввинченный в гранит,
В паяца бросил слово громовое,
И хлынул дождь на тело неживое,
И смысл живое золото с ланит.

Прощание с Хлебниковым

Шумят больные времышы,
Взвивая в небо стаю крачью,
Дыханье солнечною речью
Из тесной бани вон спешит.

Прощай, Король. Твоей беде
Земная плоть несоразмерна –
Слова о будущем немирном
Растить в косматой бороде.

Повзводно сиротеет Шар:
С поста уходит Председатель.
Земле еще – в кровавой вате
И задыхаться, и ветшать.

Уснет несбывшийся дервиш,
Забудет слово человечье,
На шкуре времени увечье
Заткет разросшийся времыш...

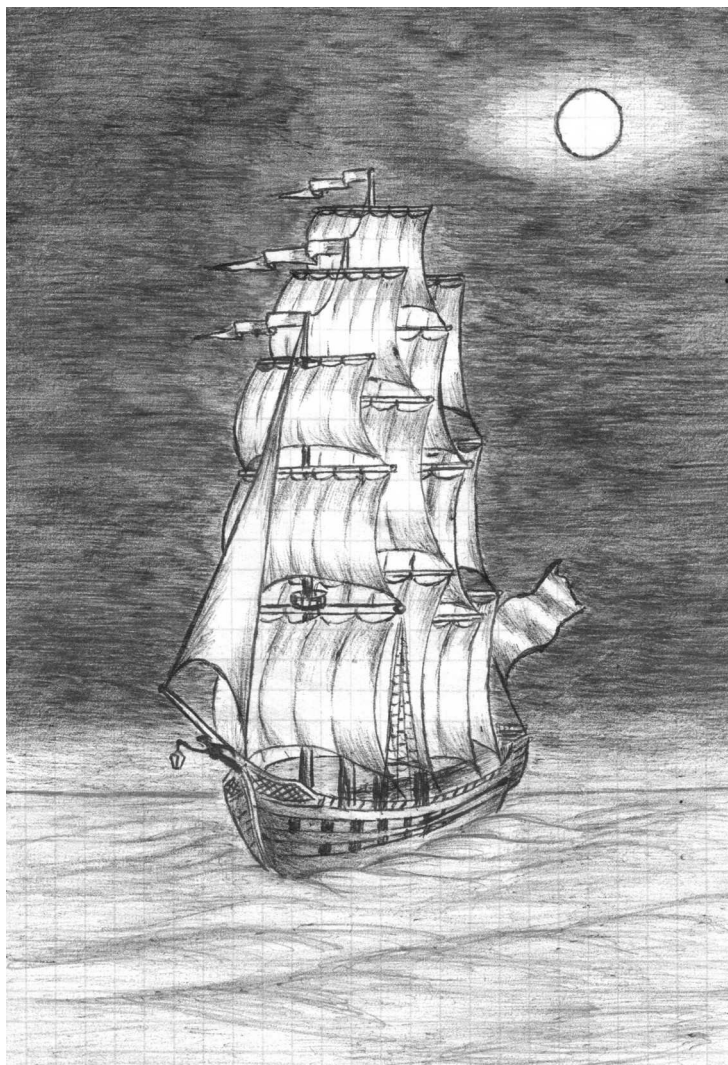
Помчит по облачной слюде
В чужом пальто, на старых дорогах,
Где за день скомкали дорогу
Ботинки стоптанных людей.

2019

Вот я стою в моем 19-м:
Мокрые улицы, полуслова.
Всех одиноких счастливую нацию
Гордо венчает моя голова.

Мирно пасутся над черными водами
Пятна и грани гранитных коров.
Лишь для меня под чернильными сводами
Город бросает свое серебро.

В пропасти улицы шаг неуклонен мой –
Брат-Девятнадцатый, чувствуешь ли? –
Вон, я сигналию руками суконными,
И отплывают дома-корабли.

В ботаническом саду

Вот она, Всемирная любовь:
Дед в спецовке конопатит стены –
Вместо водянистых тонких слов
Он вгоняет мел в броню Вселенной.

Панцирем кровавым золотясь,
Жук выводит в зелени аллеи
Позднюю беспомощную вязь,
В осень умирая вместе с нею.

Вместе с дедом, рвущимся наверх
С погнутой обшарпанной стремянки.
С поседевшей согнутой стремянки
Каплет небо на последних всех.

Идет зима. И бабушка идет
Дорожкой парка, палки опуская
В неверный снег – задача непростая,
Когда их две, а не наоборот.

Поочередно, не сбивая ритм,
Как будто барабанщик перед строем –
Проворной скандинавскою ходьбою
Дремотный парк старушка берedit.

Ей стелет снег такую точно гать,
Как век тому, когда с одной лишь палкой
Ходили бабки, и ему не жалко
В два раза больше ямок засыпать.

Нетрезвый парень пел Гребенщикова,
Забытый хит о чем-то непонятном.
Так обнаружишь ягодные пятна
На майке, и повеет летом снова.

Пел громче, чтобы каждый мог послушать,
Махал руками, шел неровным галсом.
И переулок плавно изгибался,
Течение песни не решаь нарушить.

Покупательница

Кричит старуха: «Больше молока
Не будет здесь!» – И съежилась цистерна,
Как в новости бегущая строка,
Но – не бежит. Ей не долил, наверно,

Таджик-тихоня – старая кричит,
Что ничего не будет уж, не будет.
И робкие весенние лучи
В испуге отражаются от блюдец

Застывших луж. Но знаю наперед,
Что будут и весна, и непогода,
И очередь, и в мисочку нальет
Консьержка молока для Бегемота.

И знает продавец, что самолет
Однажды доберется до Куляба.
И молча «полторашку» отдает
Сиюминутной беспокойной бабе.

Соседушка выпил на праздник
И вышел, ругаем женой.
Он дверью ударил, проказник,
На ноте визгливой, дрянной.

Но вскоре вернулся, и снова
Лихие слова понеслись
До самого резкого слова
Про самую грустную жизнь.

А после мирились, лобзались,
Ребенок забытый ревел.
Вдвоем на меня обижались,
Что свет в коридоре горел.

Я строки под ним собираю
С тех пор в продолжение лет.
Но жаль, что тебя не облаял,
Не выпил с тобою, сосед.

Любительский театр играл войну
Без формы, без окопов и винтовок –
Был вымышленный мир предельно тонок,
И кровь не разливалась на полу.

Но в сердце кто-то маленький пролез
Реветь навзрыд, когда убили «наших».
И так хотелось отыскать шалашик,
Где прятал деревянный пистолет!

Пепельница

Мы бросали игрушки в мешок,
Очищая балкона пространство,
Наше будущее – от балласта,
На весеннем балконе большом.

Поржавев и помокнув свое,
Исчезали игрушки послушно,
Катерок оторвался от суши,
Протыкая чужой водоем.

И машинки катились в кювет,
И зверушки блестели глазами,
И лучи поползли между нами,
Преломившись в балконном стекле.

Наконец, вынимая шнурок,
Чтоб сильнее стянуть горловину,
Сигаретного пепла лавину
Мы обрушили в черный мешок.

На кладбище, закрытом для умерших,
Но для живых открытом до сих пор,
В рядах замшелых плит все больше брешей,
Все гуще лес, все реже разговор.

Сюда стремится с утренней газетой
Прогулка одиноких стариков,
Здесь бродят романтические поэты,
Охотясь за печальной строкой.

В расселину разрушенного склепа
Нырнет кошка, листьями шурша,
Как будто не попавшая на небо
И дикая, и черная душа.

Бессмертные отчаянные панки
Откроют пиво о зубцы оград.
Прохожий, догуляв ночную пьянку,
Пугается мерцания лампад.

И каждый посетитель осторожный
Ведет в душе особый, личный бой.
А те, что друг на друга так похожи,
За этим наблюдают над землей.

Тагильское

Мы с Пахой пойдем по проспекту
И, может быть, встретим Димона.
У Пахи в руках по пакету,
В них «Балтика» и макароны.

Димон две недели не курит.
На Вые возводят высотки.
Вчера я увлекся паркурром,
Джинсовку порвал и кроссовки.

Залезем на крышу завода –
Герои не знают пощады,
Штурмуя прогнившие своды,
И мы не вернемся в общагу.

А если закончатся ветки,
В дыханье уйдя костровое,
Мы встанем навстречу рассвету,
Очнувшись под Лисьей горою.

...Под Лисьей горою, под Лисьей
По-прежнему катятся листья,
И Паша, взлетевший с карниза,
Нам пишет водой дождевою.

Выбрался на первые снежинки,
След повел к медлительной реке,
Слушал, как молоденькие льдинки
Шепчутся на старом языке.

Поскользнулся, отряхнул колено,
Палкой нацарапал на снегу.
Погрозил цепному псу поленом,
Задремал в автобусе на Мгу.

А свеча по-прежнему горела,
За 15 куплена рублей,
И дыханье ангелов в приделах
Паром выходило из дверей.

Дементьев

На фоне большого пожара
Читал настоящий поэт.
Не солнце его целовало,
Закатный расходуя свет,

Не ветер, одевшийся в листве
Тяжелую ржавую рябь,
А свет приоткрывшихся истин,
Простых, как окно и кровать,

Высоких, как дедова койка,
Куда не залезть малышу.
В окошко с заклинившей створкой
Я вечером тихим дышу,

А он пролетает над дымом,
Участливо машет рукой –
Веселым и неотразимым,
Таким, как стоял на тверской

Оранжевой улице летней,
И дождик – давай моросить!
Казалось, он знал все ответы.
А я не решился спросить.

Переулок

Там по брусчатке топает угрюмо
Под окнами совсем не мой отец.
Да и не твой отец, в печальных думах,
В вечерней темноте и немоте.

И вовсе не похож, шагает ровно,
А мой хромал, а твой совсем пропал.
И окна в переулок поголовно
Забиты, чтоб никто не узнавал

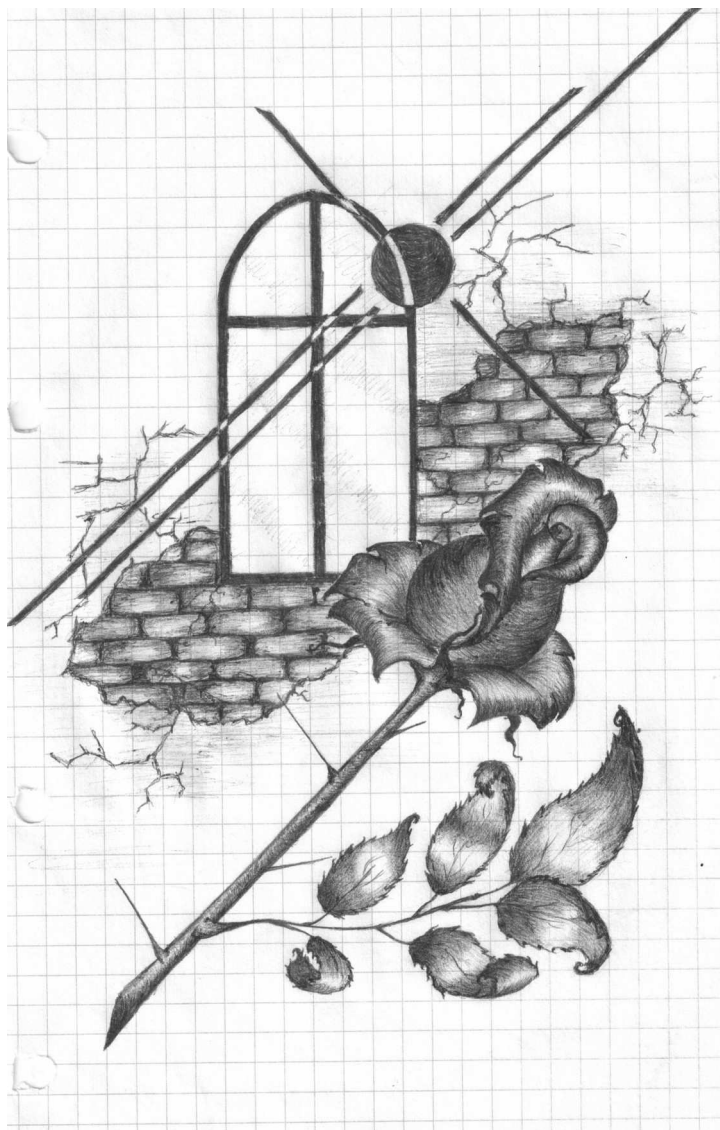
Родных людей забытые фигуры.
Снесенный и отстроенный опять,
Он ждет, и мы выходим шаркать хмуро,
Друг друга по шагам не узнавать.

Вышел, навсегда захлопнув дверь.
Ключ оставил старенькой вахтерше.
Вспомнил, что старушек было две –
Как зовут? Не пригодится больше.

В комнате, простывшей и большой,
Возле ножки – мелкая монета,
На балконе – трупик сигареты,
Крестик на стене карандашом.

В комнате заваривает чай
Тело, не поспев за переменой.
Шарит в упакованных вещах
Вытереть облитое колено,

Меряет сквозящее окно
На предмет оклейки поролоном.
Не унять молчанье камертона,
Чтобы телу поспевать за мной.

По телефону

Это такой талант – провожать в трамвае,
Сидя в тиши за тысячу километров.
Слишком железный, мост ее обрывает,
И – набирать по новой, в огни проспекта

Ей говорить о важном и Достоевском,
Ей рисовать на стеклах свое дыхание.
И забывать лицо, выходя на Невском:
Кто-то стальной рукой здесь убрал трамваи.

...за чаем в фонарях с Сенной...
Оксана Соболев

Мы пили чай в стаканах фонарей
(Позволь украсть «стакан» для этой фразы),
А дедушка, похож на дикобраза,
Играл на саксофоне, и горел

Коньяк в его груди, и ничего
На небе не горело окаянном,
Зато в моей груди сияла рама
Для нового куплета твоего.

И что с того, что тексты – лишь слова?
Зато слова – совсем не только тексты.
И ветер так подул, что стало тесно
В груди, и успокоилось едва.

Тихой речи внимали жерди –
Фонари с глазастыми ртами:
Он сказал, что у нас нет смерти,
Он сказал, что мы пахнем цветами.

Догорали огни мать-мачех,
Осыпалась из пальцев булка.
Мы незыблемо шли – тем паче,
По бессмертному переулку.

От фонарей не видно звезд,
И мы с друзьями
Столицу топчем, как погост
Под фонарями.

Устав от сырости земной,
Сойдем в шаверму.
Закроют небо за спиной,
И грязь, и скверну.

Нальет подземный человек
Стакан микстуры.
Осядет вечер в рукаве
На спинке стула.

Затянет кореш про войну
И Украину.
Глядишь, февраль перешагнул
За половину.

Повздорят бабы у стены,
Крича не в голос.
У них бутылки неполны,
Немыты волосы.

У нас полжизни впереди,
Но больше – в прошлом.
Когда пройдет февраль в груди,
Махни в окошко.

Ноябрь будет чем-то вроде
Дорожек, хрустких на рассвете,
Трусцы трамваев беспородных,
Рабочих курток безбилетных.

К обеду слабо потеплеет,
Кот снова сможет пить из лужи.
Прозрачной серостью аллеи
Проходит женщина без мужа.

Но, навсегда давно решившись,
Не выключает телефона
Рука, сквозь синтепон пробившись
К холодным топям небосклона.

Какая поздняя погода!
Судьба испита и воспета.
Ноябрь будет чем-то вроде
Воспоминания об этом.

лица моих друзей
и лица моих бывших друзей
и лица моих бывших
господи сохрани вконтакте
чтобы я мог их видеть
всегда такими же
как тогда
когда имел роскошь
не просматривать старые фотографии

С вокзала

Осталась музыка, но некому играть.
Бормочет радио, но некому послушать.

Как будто зацепившись за рукав,
Гудка неисчерпаемая нота
Все тянется и тянется в века,
И... рвется за случайным поворотом.

Смотри, тут больше некому смотреть:
Вот небо сокращается на треть,
И осень оседает на очках
Незримым ископаемым налетом.

Если видишь поле, пересеки его –
даль вдалеке, взгляд из кустов, мокрые травы.
Ветка попадает в сапог:
похоже, эти сапоги мне не по размеру.
Называла меня по имени так,
будто у меня еще не было имени.
Называла меня, словно был
безымянным.
Что я
мог
возразить?!

Думаешь, все остаются те же,
Как на странице твоих стихов?
Вот – ты вдыхаешь ночную свежесть,
Смело рифмуя «стихов – мехов»;

Вот – у фонтана сидит сокурсник,
Тонкими пальцами мнет тюльпан –
Белый листок его не отпустит,
Сел у фонтана, и стал – фонтан,

И покрывает джинсовку тина,
Патина ест незакрытый глаз?
Брось, он давно – пожилой мужчина,
Глядя на воду, не помнит вас.

Вон из волшебного звездолета!
Всех пережив, сочинив про всех –
Вечно живая, как кони Клодта,
Выйдет душа твоя на проспект.

И шлемофон головы не вспомнит,
Ветер курчавый не примет крыл –
Чуждое горло заклинит комом
Воздух, который тебя забыл.

Разговор

Ко мне пришел поэт и водку пил,
И что-то говорил мне о верлибре.
Не водку, а винтовку он купил
Тяжелого девятого калибра.

Допив, ушел стреляться на балкон –
Катилось рюмки глянцевое тело,
Нетвердою оставлено рукой.
И улица воронами взлетела.

Свершился судьбоносный разговор,
Но снова ничего не разрешилось.
Он смотрит: батарея разрядилась,
Как смотрят на заклинивший затвор.

Лёта

В гудрон воды забиты волнорезы,
Ползет гнилой баркас «Владивосток».
Когда захочешь посмотреться в бездну,
Пожалуй в наш негромкий уголок.

Здесь мята зацветает на газоне,
Но с запахом картофельной ботвы,
Здесь треплет зажигалку на балконе
Стальная высь;

В моей парадной бабушка с клюкою
Нетвердо вычисляет возраст свой,
И что-то сверху сыплется такое –
Приглушено листвою,

Как будто совершенно не проснулся
И бабушка жива,
А губы непослушные трясутся:
Семьдесят... два...

Ночью, взглянув на большой проспект –
Желтый фонарь сквозь рябые листья –
В ненастоящей тупой тоске,
Будто все снится –

Бабочка вертится бесполезно
Вокруг своей огневой руды.
Кроме дыры, кроме черной бездны –
Вспомни, что было в твоей груди?

Трасса гудит и молчат часы,
Ноет нога от былых событий –
Столько чудесных больших открытий!
Господи, мимо меня неси.

Вот эпилог и цветы на скатерть,
Звонкий комар в костяном глазу –
Вспомнишь внезапно такую мать,
Что, пробудившись, занает зуб;

Что, пробудившись, заноешь сердцем,
Гвоздиком в белой большой стене.
Звездной руды пятаки под берцы,
Господи, – мне?

Кошка

Ты не был в этом доме много дней,
И даже кнопку лифта забываешь,
А перед дверью странно замираешь:
Казалось, что она – на самом дне.

Тыходишь в дом, где черная земля
В горшках засохла плесневелым хлебом,
И, если б не кошачья треба
Воды и корма, – прошлого зола

Лежала б впредь, как старое тряпье,
В чужой квартире распадаясь ватой.
Полей цветы, они не виноваты,
Что ты испортил прошлое свое.

К декабрю замерзали каналы,
Утки жались на льду и кричали,
Дед с гармошкой на сером газоне
По-особому жалко играл.

Если небо порой прояснялось,
Было видно следы самолетов
Из-за близости аэропорта,
И тогда становилось легко.

Мы топтали гранит и паркетты,
Где дощечки из разных столетий,
Рисовали красивых натурщиц,
Представляя их в виде штрихов.

...Укрывало колодцы дворов
Небо теплого цвета.

Однажды будет серый тусклый день
Под занавес веселий и открытий.
Швырнут платаны, будто нечем крыть им,
Листвы ненужной скомканную сень.

По набережной тихо прошуршит
Старик с гармошкой, оставляя ветру
Дожеванный огарок сигареты
И лавочки бессмысленную ширь.

И будет твой остывший чай разбит,
И лужица потянется к балкону,
Откуда вдруг войдет твоя мадонна,
И ты ее не сможешь полюбить.

невообразимо
неадекватно правый
закрывался от холода
щупал рукой стекло
рвался дыханьем
наделал в окне проталин

зима большая
с неадекватным
бесспорным правом
взирала сверху
снизу
и в особенности
изнутри

Горит окно. Последнее окно.
Как будто глаз немертвого дракона,
Как будто есть еще понятие дома
И время наше не предрешено.

Как будто распогодилось вконец,
Повсюду май и облако сирени,
И скачут мягконогие олени
Со свитера до солнца на стене.

И кажется, достаточно вполне
Огня для переулка и поэмы.
Спасибо всем, живущим вне системы.
Горит окно.
Решетка на окне.

Куда деваться в этом декабре?
Промокший двор неделю ждет рассвета.
Не выйти потому, что нет дверей.
Вернее, есть внутри, снаружи – нету.

Нет переулков с твердой мостовой,
Нет улиц, расступающихся мирно –
Сплошная хмарь, и город неживой
Колышется в окне прокисшей ширмой.

Там за окном, понурый, я иду,
И грустно мне смотреть на путь неверный.
В такие дни из окон упадут
Те, кто в пространство за окном поверил.

И лужи тщатся отразить ничто,
Но вот – какой-то дурень, сапожищем
Сминая воздух, вылепляет ртом:
– Я выронил ключи. Пойдем, поищем.

В старом доме на столе – земля,
И бревно поддерживает балку,
Громкое, как мачта корабля
Над гнилыми лодками вповалку.

В старом доме – радио «Маяк»,
Беломор да у стены лопата,
А под ним – огромная Земля,
Вовсе не такая, как когда-то,

До того, как лег в нее жилец.
Сыплется трухой на подоконник
Солнца неочищенный сырец
С полочки, покинутой иконой.

Придет зима – и ходишь по воде,
И на воду кладешь свои пожитки –
Плевков, окурок, план великих дел
Следами у заснеженной калитки.

То человека слепишь из воды,
И он плывет, и все плывут над твердью.
И медленно течет стекольный дым
Презрением над холодом и смертью.

Когда окно – как будто из бумаги,
И стены – из бумаги, и мосты,
И ты – из той же чертовой бумаги:
Не можешь ни согреться, ни простыть;

Киношным крупнокадровым наплывом,
Раздвинув позолоченный киот,
Себя найдешь сидящим
над обрывом,
И снизу – в самом деле – ничего,

Лишь ветерок зеленой веткой правит
Над моря слишком синим лоскутом.
А за спиной нервозно топчут гравий,
Чтоб сделать селфи с этой пустотой.

Фонарь

По комнате скрипучими шагами
Шаталось время за босыми нами
По тем же доскам, и на те же стены
Роняло тень безжалостное время.

Горел фонарь, шатаньям помогая,
Чтоб ничего от времени не скрылось.
Пугалась ночь и падала нагая,
Сдаваясь желтым сумеркам на милость.

Сочился свет на письма и на пряди.
Я, может, потому и помню это,
Что наш мирок от огненного взгляда
Не защищали шторы из газеты.

Ушла электричка в Сосново,
Остался на лавке старик,
Царапая слово за словом
В помятый дождем черновик.

Какую выдумывал оду,
Кому пожелания слал
На лоне неяркой природы,
Покинув прогорклый вокзал?

Я вспомнил: сверкала Сенная,
Безлюдная после грозы,
И так же, листы заклиная,
Чего-то шептал он в усы.

...Прижалась к чугунной ограде,
Мое промочила пальто...
И ветер резвился в тетради,
Копне белоснежных листов.

Поэтесса

По телефону звезды пахнут мятой.
Дыханье Волги звонко и темно.
Тебя согреет кофе горьковатый
И снова призовет судьбы манок:

Полет неудержимого «Сапсана»,
След солнца на дюралевом крыле,
Под шелест рукописного романа
Дыханье на небьющемся стекле.

В каком-то зале, бедно освещенном,
Глотает микрофон словесный ряд.
Безмолвен зал, в поэзию влюбленный,
Лишь ангелы тобою говорят.

Узнаёшь этот дом? Года три,
Ах, четыре? Пусть будет четыре...
Мы проникли, мы были внутри,
Заходили в пустые квартиры.

Находили шкафы и столы,
Сапоги с золотыми гвоздями,
И скрипели под нами полы,
По ошибке считая гостями.

Мы вдыхали остывшую пыль,
Как печали чужие вдыхали.
Ты нашла пожелтевший псалтырь.
А потом мы все больше теряли.

Видишь, окна уютom зажглись,
Все починено, что не погибло.
Будто в теле затеплилась жизнь,
Будто смерть увлеклась и ошиблась.

Нам теперь не войти в этот дом,
Запечатан стальными замками.
Мы найдемся под желтым листом.
Под листьями.
Листами.
Листами...

Возьми конфету, не смотри в окно.
Там только выюга белая, как пластырь.
А вспомни, как с тобой давным-давно
Одну конфету резали на части.

Как, сэкономить на маршрутке чтоб,
По набережной долгому изгибу
Печатали шаги, а запятой
Встречалась кошка нам какая-либо.

А в воздухе сплетали волокно
Пушинки, перемытые лучами...
Теперь конфеты есть и есть вино,
Но не с кем пить на кухне одичалой.

Блестит сервиз, оставленный тобой –
От каждого останется посуда.
А улица над речкой голубой
Исчезнет, если я ее забуду.

Самолеты

Если любят, хотят быть вдвоем.
Если любят, то не расстаются.
Сквозь прозрачное грязное блюдце
Пламенеет небесный проем.

Он всегда неизменен, пускай
Ударяют шасси о бетонку,
И хлопки равнодушно, незвонко
Слух пилота летят приласкать –

Ты подумаешь: экое «чудо» –
Камни бьются о днище ладьи!

...Никогда не писал о любви.
Никогда уже больше не буду.

Времена года

1.

Два рельса почернели по краям,
Повсюду снег, и шпал уже не видно.
Теперь – совсем отдельные. Обидно.
Сереет лес, похожий на бурьян.

Когда бы лето – сносней был пейзаж:
Деталей множество, и шелеста, и свиста,
Теперь – не так: на небе неказистом
Грейпфрутовый рассвет – как чья-то блажь.

Когда-то лето... Холод, как вода,
В которой мы – безропотные рыбы,
Висим и дремлем. Огибая глыбы,
Во льдах плывут косатки-поезда.

2.

Она сбежала с лекций просто так:
Сегодня слишком тесно в душном классе.
Пространство мягко, словно мягкий знак,
Лепи, что хочешь, из воздушной массы.

На тонких пальцах – желтая смола:
По шкурам тополей сочится влага.
Береза дышит порами ствола,
Прорвавшись через тонкую бумагу.

Беречь обувку больше ни к чему:
Стою в прохладной луже, замечая,
Что к левому ботинку моему
Кораблик в клетку медленно причалил.

3.

На летней ветке – хочется не видеть –
Забыть, что неизбежно время выйдет –
Болтается заплатка-желтый лист.
«Столь нежные для колкостей земли,

Куда вы исчезаете, русалки?
С приходом холодов». Листочек жалкий
Летит в костер. От жара муравьи
Бегут по сторонам. К ее брови

Березовое семечко пристало.
Срывая лепестки, начнет сначала.
От желтой серединки до меня –
Одна босая тонкая ступня.

4.

Простор горчит, сквозной и беспредельный,
Луна – до невозможности большая.
Деревья – чудаки – растут отдельно,
Но ветер листья все-таки смешает.

На красное словцо – золотая повесть,
И – зачастили вдруг, перебивая,
Когда, на всю округу слышный, поезд
Вспугнул блажную суетную стаю.

Недолги листопадные беседы.
Умолкли, недосказанностью маясь.

На пристани оставленные кеды
Стоят, холодным небом наполняясь.

Олисане «Буковке»

Поезд отходит всегда впервые.
Так отрываются от Земли
Самые смелые и святые,
Первые звездные корабли.

Знаешь: толчок – и придут в движенье
Станция и тополиный ряд
И, пробиваясь сквозь отражение,
Над полотном истончится взгляд.

И побредут к ночнику вокзала
Те, кто остались стареть и ждать.
Там начинается все сначала
С каждым уехавшим навсегда,

С каждым гудком и прощальным взмахом –
Даже и плачется не взятяг,
Глядя, как без суеты и страха
Как светлячки, корабли летят.

Сколько ни бейся в нервных своих исканьях,
Всё – к одному исходу за разом раз:
Чай на столе, солнце на дне стакана,
Ветер в окно, вольфрамовая искра.

Кошки ночами видят цветные сказки:
Гордой мохнатой стаей штурмуют высь.
Выйдешь из дому – преданным взглядом хаски
Смотрят вослед состарившиеся львы.

Листья, очнувшись от летнего сна, – летают,
Нехотя греет руку пустой карман.
Город бледнеет, мост поджигает сваи,
Звездная мучка сыплется на дома.

Содержание

П р е д и с л о в и е.....	3
Отец проходит молча из сеней.....	7
В пути.....	8
Я отломил бездомному коту.....	9
Вологодское.....	10
Резная зелень обжигала зрение.....	11
Куст тростника, притащенный льдинами.....	12
Дождь надвигался темнотой.....	13
Гражданская улица.....	15
Эмиграция.....	16
Некто сидит на лавке, шуршит трава.....	17
Направо мчатся с красными огнями.....	18
Дом у храма.....	20
Тревога.....	21
Седой ополченец брел с вещевым мешком.....	22
Ветераны.....	23
Горловка.....	24
Сжимает тьму озябшая рука.....	26
Сколько весит сон.....	27
Вот человек, оставленный в веках.....	29
Бездомное.....	30
Весна.....	31
Не ловит Интернет.....	32
Живая скульптура.....	33
Прощание с Хлебниковым.....	34
2019.....	35
В ботаническом саду.....	37
Идет зима. И бабушка идет.....	38
Нетрезвый парень пел Гребенщикова.....	39
Покупательница.....	40
Соседушка выпил на праздник.....	41
Любительский театр играл войну.....	43
Пепельница.....	44
На кладбище, закрытом для умерших.....	45

Тагильское.....	46
Выбрался на первые снежинки.....	47
Дементьев.....	48
Переулок.....	49
Вышел, навсегда захлопнув дверь.....	51
По телефону.....	52
Мы пили чай в стаканах фонарей.....	53
Тихой речи внимали жерди.....	54
От фонарей не видно звезд.....	56
Ноябрь будет чем-то вроде.....	57
Лица моих друзей.....	58
С вокзала.....	59
Если видишь поле, пересеки его.....	60
Думаешь, все остаются те же.....	61
Разговор.....	62
Лёта.....	63
Ночью, взглянув на большой проспект.....	65
Кошка.....	66
К декабрю замерзали каналы.....	67
Однажды будет серый тусклый день.....	68
Невообразимо.....	69
Горит окно. Последнее окно.....	70
Куда деваться в этом декабре.....	71
В старом доме на столе – земля.....	72
Придет зима – и ходишь по воде.....	73
Когда окно – как будто из бумаги.....	75
Фонарь.....	76
Ушла электричка в Сосново.....	77
Узнаешь этот дом? Года три.....	78
Поэтесса.....	79
Возьми конфету, не смотри в окно.....	80
Самолеты.....	81
Времена года.....	82
Поезд отходит всегда впервые.....	86
Сколько ни бейся в нервных своих исканьях.....	87

Литературно-художественное издание

Дмитрий Бобылев

Улица Бобылева

Вступительная статья – Александр Курапцев.

Художник – Константин Бобылев.

Дизайн обложки – Виктория Перепечина.

16+

ISBN 978-5-4334-0563-9

Стихи, рисунки, клипы автора: паблик

ВК «Дмитрий Бобылев. Стихи»

vk.com/kasur1

Связь с автором:

cafe.b@yandex.ru

Подписано в печать 16.02.2023 Формат 60х90 1/16

Усл. печ. л. 5,62

Издательство ООО "Гамма"
СПб, ул. Трефолева, д.1П
2023. -90с. Тираж 200 экз.